

УДК 347.411

DOI: 10.17223/22253513/38/8

О.В. Николайченко

ПОНЯТИЙНЫЙ И СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ОБЯЗАННОСТИ

Исследуются понятие, структура и содержание процессуальной обязанности, исходя из представленных в российском правоведении научных концепций. Обуславливаются системно-структурный и системно-функциональный подходы к изучению процессуальной обязанности в раскрытии ее специфической отраслевой функции в российском уголовно-процессуальном законодательстве в сравнении с гражданско-процессуальным и арбитражно-процессуальным. Рассмотрено содержание процессуальной обязанности через ее имманентное следствие – исполнение процессуальной обязанности.

Ключевые слова: процессуальная обязанность, понятие процессуальной обязанности, содержание процессуальной обязанности, российское судопроизводство.

К научной дискуссии о процессуальной обязанности

Постановка вопроса к определению процессуальных обязанностей оправдана отсутствием комплексной научной трактовки их существования, функциональной и смысловой сущности, наличия процессуальных обязанностей у суда как органа правосудия, обязательности их исполнения и соответствия нормам международного права, предписывающим высокие стандарты правосудия.

Особое методологическое значение для формирования современной научной концепции о процессуальных обязанностях имеют труды фундаментального характера ученых советского периода, в которых акцент был сделан на диалектическом единстве процессуальных прав и субъективных обязанностей [1. С. 37]. Это обуславливалось рядом методологических причин, взаимовлиянием прав и обязанностей, их неразрывной связью, обеспечительной функцией обязанностей в праве [2. С. 64], удобством их теоретического анализа. Современные исследования не продвинулись на сколь-нибудь значимый уровень, концептуально отличный от существующих. Такое положение, определяющее фактическую неопределенность в самостоятельном статусе исследуемой категории «юридическая обязанность», приводит к последующему концептуальному смешению с иными категориями, в частности с «субъективным правом». Последняя категория имеет самостоятельную функциональную и смысловую сущность.

«Обязанность» с точки зрения структурной составляющей правоотношения представляет собой элемент правового статуса субъекта, который недостаточно регламентируется в процессуальном законодательстве. «Точечные» процессуальные обязанности закреплены в процессуальных

кодексах Российской Федерации (например, ч. 3 ст. 15, ч. 3 ст. 46, ч. 1.1. ст. 97 УПК РФ, ч. 2 ст. 35 ГПК РФ, ч. 3 ст. 41, ч. 8 ст. 45 АПК РФ). Приведенные нормативные положения относятся, в частности, к участникам процесса, на которых возлагаются процессуальные обязанности, соответствующие цели их участия в судопроизводстве, в широком понятийном значении этого термина.

Формируемое на основе правовых предписаний отношение субъектов правоотношения к процессу возложения, а точнее, моменту наступления и исполнения обязанностей, составляет элемент правосознания, правовой культуры. При всей указанной выше важности и очевидности правовой категории «обязанность» в науке процессуального права ее изучение уходит на второй план, даже – позволим себе усугубить ситуацию – остается вне поля зрения исследователей, что нельзя признать правильным.

Проецируя категорию «процессуальная обязанность» на других участников судопроизводства, в частности суд, в вопросе определения и возложении на них каких-либо процессуальных обязанностей не достигнуто единство мнений в ходе научной полемики. Два принципиальных момента в изучении процессуальных обязанностей являются вопросами *terra incognita*: первый – об их проявлении в регулировании процессуальных отношений, второй – о содержании процессуальных обязанностей.

Для формирования правовой характеристики процессуальных обязанностей необходимо соотнести понятия «процессуальная обязанность» и «исполнение процессуальной обязанности» в их содержательном аспекте вследствие того, что невозможно рассматривать столь значимую процессуальную категорию в отрыве от содержательного аспекта (исполнения обязанности). Анализ ряда статей российского процессуального законодательства через призму правоприменительной практики позволяет утверждать, что правоприменительная практика формирует иные, зачастую наиболее «правильные», с позиции обусловленности фактическими обстоятельствами, варианты исполнения процессуальной обязанности. А это требует новых методологических конструкций и научных идей, сочетающих преемственность сложившихся традиций и новации в развитии научных представлений о процессуальных обязанностях.

О правовых подходах к определению процессуальных обязанностей

Впервые на проблематику «обязанностей» обратил внимание известный российский дореволюционный процессуалист О. Бюлов, определивший суд как носителя обязанностей [3. С. 141]. Несколько позже к этой проблеме обращались советские ученые-процессуалисты. В ранних работах А.Ф. Клеймана [4. С. 141], С.Н. Абрамова [5. С. 89] «обязанность» рассматривалась не автономно от других правовых категорий, а комплексно, преимущественно с правами, присущими не только сторонам, но и суду.

Впоследствии появилось большое количество научных работ, в которых акцент был сделан на единстве прав и обязанностей их носителей.

В научных трудах ученых-процессуалистов 80-х гг. прошлого столетия доказывалось диалектическое единство процессуальных прав и субъективных обязанностей [6], что было поддержано и современными учеными-правоведами [7]. Исследователи связывали сущность процессуальной обязанности исключительно с решением общих отраслевых проблем, выдвигая на первый план реализацию субъективного процессуального права, полномочий должностного лица или компетенцию властного органа. В этом аспекте показательна работа Л.А. Ванеевой, которая отмечала, что «реализация прав поставлена в зависимость от исполнения обязанностей управомоченными лицами, а следовательно, этим обеспечивается и фактическое выполнение обязанностей» [8. С. 137]. На этом этапе исторического развития термин «юридическая обязанность» как самостоятельная научная категория отсутствовал, но в условиях интерпретации права как важного социального регулятора поведения людей началось его самостоятельное осмысление в юриспруденции.

Итак, научному изучению обязанностей в гражданском процессуальном праве стало уделяться все больше внимания. Более узко процессуальные обязанности стали предметом научного исследования в диссертации С.А. Якубовой, которая сосредоточилась на их изучении в соотношении с правами сторон [9]. В рамках обозначенной работы уже сформировались отдельные признаки юридической обязанности, такие как нормативная обусловленность и подкреплённость мерами принудительного воздействия в случае их неисполнения.

В современный период рассматриваемая проблема в юридической науке столь же известна как, например, принципы права, правоотношения, которые, несмотря на их фундаментальность в юридической науке, до сих пор слабо разработаны. К вопросам дискуссионного характера относятся «обязанности суда, корреспондирующие правомочиям лиц, участвующих в процессе» [10. С. 22], а также вообще сама постановка вопроса о существовании процессуальных обязанностей у суда [11. С. 69].

Что же представляют собой обязанности процессуальном праве? Исходя из того, что процессуальным обязанностям как разновидности юридической обязанности свойствен ряд общих черт и признаков, характеризующих их, определившись в главных моментах «юридической обязанности» в общетеоретическом плане, можно правильно их идентифицировать.

В российском правоведении «обязанность» проявляет себя как всеобщая категория, которая носит универсальный характер, еще во многом с нераскрытым потенциалом права в его основных свойствах.

Длительное время «обязанностям» в общетеоретическом плане не уделялось должного внимания ни в юридической науке, ни в законодательстве советского времени в 1920–1930-е гг. Авторы учебников по общей теории права ставили вопрос исключительно лишь о субъективных правах [12. С. 152]. Видимо, это объясняется в первую очередь теми целями и задачами, которые ставило государство, моделируя направления своей деятельности. В то же время обязанности определяют ценностные ориентиры государ-

ства, уровень его цивилизованности и культуры, основы которых были заложены еще в эпоху античности [13]. В этой связи заслуживает внимания позиция Н.И. Матузова, который в своей ранней работе при характеристике обязанности рассматривал ее как требуемое и нужное не только с точки зрения закона, но и морали, поведение [14. С. 150]. Такой взгляд на обязанность позволяет ответить на вопрос о ее предназначении. В частности, речь должна идти о том, что обязанность предназначена для регулирования поведения субъектов права, воздействуя на их сознание и волю.

В процессуальном праве заложен определенный комплекс субъективных процессуальных прав и процессуальных обязанностей, обеспечивающих реализацию субъективных прав. Здесь «обязанность» необходима не сама по себе, а для обеспечения предоставленных лицам прав. И в тех случаях, когда субъектом не выполняется возложенная на него обязанность, он привлекается к ответственности, обладающей отраслевой спецификой.

Гражданская процессуальная ответственность (в широком смысле употребляемого понятия, с учетом мер гражданской процессуальной защиты) предназначена в первую очередь для того, чтобы побудить субъекта к выполнению действий, необходимых для обеспечения соответствующего права. В этом плане можно согласиться с Л.А. Ванеевой, которая, характеризуя назначение гражданского процессуального законодательства советского времени, писала, что действующие «основы и гражданские процессуальные кодексы закрепили обязанность суда по защите прав граждан в форме определения целей и задач гражданского судопроизводства. Всем заинтересованным лицам было предоставлено право на обращение за судебной защитой» [15. С. 10]. При таком подходе видно, что реализуется регулятивно-обязательная функция гражданского процессуального права. Право как возможность действовать и одновременно требовать защиты нарушенного субъективного права, если проецировать на процессуально-цивилистическую почву, обеспечивает существование обязанности, порождает ее у судебных органов. В таком значении право (право на судебную защиту) является первостепенным, а обязанность, порожденная заявлением заинтересованного в судебной защите лица, уступает ему. Это свойственно для всех цивилистических отраслей современного российского права, таких как гражданское, семейное, трудовое, экологическое и др., с учетом отраслевой дифференциации российского цивилистического права.

В уголовно-процессуальном законодательстве наиболее часто законодатель при формулировании правовых предписаний использует термин «полномочие», употребляя его как по отношению к суду (ст. 29 УПК РФ), так и по отношению к должностным лицам, обладающим властью (например, ст. 37–41 УПК РФ).

В современной литературе указывалось на то обстоятельство, что полномочие представляет собой право (и одновременно обязанность) соответствующего субъекта действовать в определенной ситуации способом, предусмотренным законом или иным правовым актом [16. С. 341–342]. Такое положение не поддерживается учеными в уголовно-процессуальной

науке и расценивается как недостаток вследствие того, что при отсутствии четкого и исчерпывающего перечня основных процессуальных обязанностей участников судопроизводства нельзя вести речь о полноценном регулировании процессуального статуса участника процесса. Выходом из «законодательного парадокса» должно стать закрепление основных процессуальных обязанностей в разделе 2 УПК РФ, нормы которого являются определяющими для института процессуального статуса участников уголовного судопроизводства [17. С. 88].

Системно-структурный подход к изучению процессуальных обязанностей

В большинстве случаев юридические обязанности, в том числе и процессуальные, декларативны. Прописывая субъекту права совершить определенно-необходимые действия, обязанности указывают на единственно возможный вариант поведения при осуществлении права в виде активной деятельности или воздержания от совершения действий (бездействие). Нормы-предписания выполняют роль позитивных обязываний.

Формулируя предписание посредством включения в процессуальную ткань терминов «обязан» и «должен», законодатель оставляет за «обязанным» лицом выбор, предопределяющий выполнение предписаний или ненадлежащее соблюдение. В регламентации процессуальных отношений присутствует два вида юридических предписаний.

1. В форме *общенормативной ориентации*. В Конституции Российской Федерации формулировка ст. 15 максимально лаконично прописывает, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Универсальный характер данной нормы обусловлен тем, что ее применимость не ограничивается конкретными органами и субъектами, на которых распространяется вменяемая обязанность. В таком ключе обязанность – это нормативное установление в форме должностования.

В ч. 2 ст. 6 Конституции РФ обязанность уже звучит как необходимость поступать или действовать определенным образом. В ч. 2 ст. 15 Конституции РФ обязанность есть целевая направленность деятельности, которая выражается в необходимости координировать свое поведение в соответствии с законом в широком смысле этого понятия.

Следует обратить внимание на тот факт, что Конституция РФ прямо не упоминает об уголовно-процессуальных обязанностях, за исключением ее проявления в доказательственной деятельности определенных субъектов. В частности, ч. 2 ст. 49 Конституции РФ указывает, что обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Другим примером является ст. 51 Конституции РФ, в которой устанавливается, что никто не обязан свидетельствовать против себя, своих близких родственников и супруга.

2. В форме *конкретного предписания*, обуславливающего совершение того или иного юридически значимого действия для правовой регламента-

ции поведения как суда, так и иных участников процесса, что совершенно необходимо для гражданской процессуальной формы.

Обладая возможностью воздействовать на поведение участников гражданско-процессуальных отношений, суд может выполнить предназначенную ему руководящую роль в гражданском судопроизводстве (ч. 2 ст. 12 ГПК РФ), правильно и своевременно рассмотреть и разрешить гражданское дело, реализовать в полной мере свою судебную власть благодаря возможности устанавливать обязательные конкретные предписания, подкрепленные мерами юридического воздействия.

В цивилистическом процессуальном праве запреты своеобразны по своему содержанию и занимают особое положение среди других способов правового регулирования. Изучая своеобразие запретов, М.К. Юков выделял их как конкретные (ч.ч. 2, 3 ст. 70, ч. 2 ст. 80, ч.ч. 1, 2 ст. 85, ч. 4 ст. 162 ГПК РФ) и общие, определить которые возможно в комплексе норм гражданского процессуального права, соотнося его с другими отраслями права [18. С. 48]. Общий запрет выражается в том, что свидетель, эксперт, переводчик обязаны явиться в судебное заседание и, соответственно, дать правдивые показания, объективное заключение, сделать правильный перевод (например, ст. 158 ГПК РФ).

Заинтересованные лица могут достичь цели защиты субъективного права или законного интереса в судебном порядке единственным способом – путем вступления в процессуальные отношения, складывающиеся между судом и ними в ходе осуществления правосудия. Процессуальные правоотношения как модели поведения, описанные в нормах права, представляют собой различные варианты достижения субъектом желаемого результата. В сфере судебной защиты права государство не стимулирует выбор субъектом того или иного варианта, который признается наиболее оптимальным в данных условиях, а предписывает единственно возможную линию поведения¹. Именно здесь можно видеть отличие от других сфер правового регулирования, где субъекты имеют возможность выбора: вступить в правоотношение для реализации своего интереса либо не вступать, выбрав тем самым другой вариант поведения.

¹ Как было отмечено Конституционным Судом РФ в одном из своих постановлений, федеральный законодатель располагает достаточной свободой усмотрения в выборе конкретной модели правового регулирования, при этом он не может действовать произвольно и во всяком случае связан необходимостью обеспечения соблюдения принципов и норм, составляющих конституционно-правовую основу регулирования общественных отношений, складывающихся в данной сфере. Кроме того, законодатель должен применять адекватные специфическому характеру отношений способы и методы правового воздействия, в том числе учитывать закрепленный в Гражданском кодексе Российской Федерации принцип свободы договора. См. подробнее: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 января 2007 г. № 1-П по делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина В.В. Макеева.

При определении «юридической обязанности» в уголовно-процессуальном законодательстве обращает внимание тот факт, что законодатель использует прием отрицания субъективного права, указывая на то, что участник уголовного судопроизводства «вправе» или «не вправе», «может» или «не может» (ч. 2 ст. 22 УПК РФ), «должен» или «не должен» (ч. 2 ст. 202 УПК РФ) совершать те или иные предусмотренные законом действия.

Системно-функциональный подход к изучению процессуальных обязанностей

Применительно к исследуемой проблеме средствами, обеспечивающими правомерное поведение субъектов права, являются юридические обязанности. Уже заранее заложенные в законодательстве, они обеспечивают поведение лица согласно правовым предписаниям.

В судопроизводстве обязанности следует исследовать в двух плоскостях: статической и динамической. В этом плане справедливо мнение Е.А. Лукашевой, которая утверждает, что при характеристике обязанностей не следует ограничиваться их характеристикой исключительно как необходимого поведения лица. В ее понимании «обязанность» не всегда хорошо осознается индивидом, что уже само по себе может привести к отступлению от требований; более того, даже при благоприятном, позитивном отношении человека к собственным обязанностям их реализация наступает лишь при определенных условиях, предусмотренных правовой нормой, т.е. она лишь потенциально возможна [19. С. 65].

Учитывая, что наиболее распространенным является определение «обязанности» через меры должного поведения как по отношению к другому человеку, так и по отношению к государству и его органам [20. С. 53], можно отметить, что динамическая функция обязанности в таком определении не учитывается.

В современный период времени сложились социально-правовые и технико-юридические предпосылки унифицированного применения термина «обязанность» при определении особого рода поведения лица, к которому адресована нормативная предпосылка его фактического поведения. Статистика законодательного употребления термина «обязанность» свидетельствует о том, что он унифицировано применяется как в конституционных нормах, определяющих в общих чертах поведение лица, так и в сугубо отраслевых, в частности гражданско-процессуальном праве. Термин «обязанность» применяется как к идеально-модельному поведению лица, так и к фактически реализуемому. В этом ключе «установление–исполнение» обязанности как правовой категорий получает различное нормативное содержание и интерпретационную окраску.

Из вышесказанного можно сделать несколько принципиальных выводов. Первый заключается в том, что правовая норма, хотя существующая, но не вступившая в законную силу, не порождает обязанности для субъекта, а тем более необходимости действовать определенным образом. Показа-

тельным примером является Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Законодательная норма принята, но она не вступила в законную силу, следовательно, обязанности для соответствующих субъектов права еще не наступили. Следовательно, законоустановленная обязанность существует как пример долженствования, а не необходимости действовать фактически.

Своеобразные модели долженствования можно встретить в судебных актах, когда судья, не согласный с мнением большинства судей, выражает иную правовую позицию по рассматриваемому делу, имеет возможность письменно изложить свое особое мнение. Однако по действующему российскому процессуальному законодательству доводы судьи не являются предметом обязательной проверки в вышестоящих судебных инстанциях, основанием для пересмотра дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. Уяснение доводов несогласия одного из судей следовало бы признать обязательным для учета вышестоящей инстанцией, если судебное решение, по которому вынесено особое мнение, будет обжаловано. Но учитывая, что в процессуальном законодательстве не прописаны действия судьи, которые следовало бы ему совершить для надлежащего оформления своего особого мнения¹, а также необходимость аргументированности своей позиции по рассматриваемому делу, особое мнение судьи воспринимается как нечто необязательное для руководства к действию, адресованное в том числе заинтересованным лицам.

В правоприменительной практике судов особое мнение судьи, выраженное им в акте суда первой инстанции, вообще игнорируется судом, осуществляющим проверку судебного решения, либо не является каким-либо значимым обстоятельством, повлиявшим на законность акта суда первой инстанции. Исключением являются апелляционные определения, в которых можно обнаружить, что суд апелляционной инстанции критически оценивает доводы жалобы о том, что суд первой инстанции обязан был при рассмотрении гражданского дела учитывать доводы, изложенные в особом мнении судьи². Единственным аргументом суда апелляционной инстанции о несостоятельности доводов апелланта в части поддержания его мнения особым мнением судьи являются положения ст. 61 ГПК РФ, согласно которым «особое мнение» на законодательном уровне не имеет преюдициальной значимости. В этой связи особое мнение судьи – это только желаемое с точки зрения судьи, оставшегося в меньшинстве своего мнения, действие, которое не было претворено в жизнь.

Второй вывод следует из того, что необходимость действовать, т.е. исполнять обязанности, вытекает из правового статуса лица или суда как ор-

¹ За исключением указания в арбитражном процессуальном законодательстве на его письменную форму (ч. 2 ст. 20 АПК РФ).

² Определение Балтийского флотского военного суда от 22.04.2014 № 33А-87/2014. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/?regular-txt=%D0%searchResult>

гана судебной власти (ст. 10, п. «г» ст. 71 Конституции РФ). Так, «обращаясь за судебной защитой, лицо сталкивается с необходимостью исполнения процессуальных обязанностей в силу действия принципа состязательности, что не вполне согласуется с содержанием термина «судебная защита». Другим словами, обращаясь за судебной защитой в суд, лицо остается один на один с процессуальным законом (точнее, с необходимостью знания закона и выполнения процессуальных обязанностей, иначе суд не сможет защитить его права) и противоположной стороной» [21. С. 61].

Процессуальное право регулирует деятельность суда по исполнению возложенной на него государством обязанности по защите нарушенных прав. Но предусмотренные законом правила деятельности суда могут быть реально выполнены только в сочетании с определенным поведением множества других лиц, в том числе и самого субъекта нарушенного права. Поэтому при рассмотрении процессуальных обязанностей следует исходить из их внутреннего исследования стадийной реализации с учетом требования динамики развития судопроизводства и выделяемого «набора» особых процессуальных действий, которые в совокупности могут дать желаемый для субъектов правоотношения и законодателя результат.

Содержание процессуальной обязанности

Определение содержания процессуальной обязанности возможно благодаря двум подходам, которые были представлены выше. Вместе с тем при обосновании и описании поставленной проблемы следует исходить из общеизвестного представления «обязанности» как идеальной модели поведения, содержащей четырехэлементную систему с самостоятельными компонентами, каждый из которой противостоит одному из правомочий, входящих в состав субъективного права, и соотносится с ним: совершение конкретных действий (либо воздержание от них); реагирование на обращенные к обязанному лицу требования управомоченного лица; несение ответственности, т.е. претерпевание неблагоприятных последствий за неисполнение предписаний, составляющих сущность обязанности; не препятствование управомоченному лицу пользоваться социальным благом, образующим предмет соответствующего права [22. С. 423].

Вместе с тем в процессуальной науке можно встретить иной взгляд на структурную характеристику юридических обязанностей, точнее, ее отсутствие, – отрицание какой-либо структуры процессуальной обязанности [23. С. 13].

Исследование исполнения процессуальной обязанности – это исследование ее в «движении», изучение поэтапной реализации нормативного потенциала. Безусловно, возможно и необходимо частное исполнение модельно сформированного поведения. Однако для фактической значимости и удовлетворения или процессуального интереса, или законоустановленной цели необходим комплекс исполненных обязанностей, запрограммированных законом. Итогом надлежащего исполнения станет результатив-

ность, состоящая из формального и фактического итогов. В идеале задача любой научной концепции, особенно в юриспруденции, – это программирование такого поведения, при котором будет достигнута отраслевая цель. Вместе с тем в правоприменительной практике наступает иной правовой результат, далеко не всегда соответствующий реализации диспозитивных правомочий заинтересованных лиц, когда судебные инстанции ошибочно не приняли во внимание конкретные обстоятельства рассматриваемого дела, а их следовало бы истолковывать как основание для применения конкретной части статьи нормативно-правового акта. Это означает, что формально суд исполнил возложенную на него процессуальным законом обязанность (обязанности), но фактически их исполнение не привело к той запланированной цели, что составляет более широкое обоснование содержательной части обязанности. Рассмотрение обязанности в более узком ключе проявляется тогда, когда суд не исполнил возложенную на него процессуальную обязанность (как формально определенную), не совершил ряд процессуальных действий либо же совершил их не в полном объеме и несоответствующим образом. А это недопустимо.

Продemonстрируем содержание процессуальной обязанности еще на одном примере, но для иного по своему правовому статусу и цели участия субъекта. Так, исходя из смысла концептуальной статьи процессуального закона – ст. 56 ГПК РФ, предполагающей, что каждая сторона обязана доказывать обоснование своих требований и возражений, целесообразно сделать вывод, что именно на истце лежит процессуальная обязанность (как первичная составляющая) совершения необходимых фактических действий. И только в исключительных случаях суд оказывает содействие в истребовании доказательств при условии, что истцом совершены необходимые действия для их истребования без участия суда. В этом ракурсе процессуальная обязанность суда в оказании содействия в истребовании доказательственного материала становится для суда реальной при совершении определенных действий, predetermined фактическими обстоятельствами, а также совершением необходимых действий со стороны истца. Последний сам, без вмешательства нормативных установок, определяет, какие действия ему необходимо совершить, в отношении кого они будут совершены, к кому обращены и в какие сроки.

Выводы

Функциональные нормативные различия субъективных процессуальных прав и процессуальных обязанностей обуславливают их осознание, формирование, закрепление и реализацию субъектами процессуального отношения.

После наступления соответствующего факта правовой действительности активизируется правореализационный процесс, который следует связывать с исполнением отдельных структурных образований права. И здесь юридические обязанности, особенно в процессуальных отраслях, подобно кирпичикам, формируют фундамент правоотношения.

Доминирование обязывания как способа правового регулирования процессуальных отношений предопределяет формальный итог судебной деятельности.

Содержание процессуальной обязанности следует рассматривать как совокупность процедур по исполнению нормативных предписаний, которые носят системный характер, предопределяют необходимое поведение субъектов процессуальных отношений, в том числе и суда, и, соответственно, конечный результат их процессуальной деятельности.

Литература

1. Элькин П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. 172 с.
2. Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. 114 с.
3. Гольмстен А.Х. В защиту процессуальной теории О. Бюлова // Журнал Министерства юстиции. 1916. Ноябрь. 30 с.
4. Клейнман А.Ф. Избранные труды. Краснодар : Сов. Кубань, 2009. 816 с.
5. Гражданский процесс : учебник / под общ. ред. С.Н. Абрамова. М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 483 с.
6. Мельников А.А. Субъективные процессуальные права и обязанности лиц, участвующих в гражданских делах // Проблемы совершенствования Гражданского процессуального кодекса РСФСР : науч. тр. / под ред. В.П. Воложанина. Свердловск : Свердл. юрид. ин-т, 1975. Вып. 40. С. 24–31.
7. Грачев Т.С. Единство прав и обязанностей как принцип права : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. 199 с.
8. Ванеева Л.А. Единство субъективных прав и юридических обязанностей по гражданскому процессуальному праву // Проблемы хозяйства и права на современном этапе : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.И. Овчинникова. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1985. С. 129–141.
9. Якубова С.А. Права и обязанности сторон в советском гражданском процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1961. 15 с.
10. Чечина Н.А. Гражданские процессуальные отношения // Избранные труды по гражданскому процессу. СПб. : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. 656 с.
11. Шеменева О.Н. Суд как субъект гражданских процессуальных отношений // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Право. 2015. № 3. С. 67–77.
12. Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права. М. : НКЮ СССР, 1940. 304 с.
13. Цицерон М.Т. Философские трактаты. Об обязанностях. СПб, 1903. Кн. I. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1423775001> (дата обращения: 02.03.2019).
14. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов : Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1987. 294 с.
15. Ванеева Л.А. Реализация конституционного права граждан СССР на судебную защиту в гражданском судопроизводстве. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1988. 152 с.
16. Тихомирова А.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. М. : Юринформцентр, 1997. 525 с.
17. Зеленина О.А. К вопросу о законодательной регламентации процессуальных обязанностей участников уголовного судопроизводства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 1 (49). С. 81–89.

18. Юков М.К. Гражданское процессуальное право: структура и применение // Проблемы применения норм гражданского процессуального права : науч. тр. / под ред. К.И. Комиссарова. Свердловск : Свердл. юрид. ин-т ; УрГУ, 1976. Вып. 48. С. 46–67.
19. Лукашева Е.А. Социалистическое право и личность. М. : Наука, 1987. 160 с.
20. Институт прав человека в России / под ред. Г.Н. Комковой, О.В. Шудра, Т.Г. Дауровой и др. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1998. 216 с.
21. Дегтярев С.Л. Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве: теоретико-прикладные проблемы. М. : Волтерс Клувер, 2007. 364 с.
22. Теория государства и права : учебник / под ред. В.К. Бабаева. М. : Юрист, 2003. 591 с.
23. Стасюк И.В. Процессуальная обязанность в гражданском и арбитражном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 35 с.

Nikolaychenko Olga V., Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation)

CONCEPTUAL AND STRUCTURAL ANALYSIS OF PROCEDURAL OBLIGATION

Keywords: procedural obligation, concept of procedural obligation, content of procedural obligation, Russian legal procedure.

DOI: 10.17223/22253513/38/8

For the legal characteristic of procedural duties in their content aspect, the concepts of "procedural duty" and "performance of procedural duty" are correlated. Dialectical, hermeneutic and deterministic methods of cognition were of particular methodological importance for the formation of a scientific concept of the content of procedural duty. They made it possible to identify the existing scientific concepts of the definition of procedural obligation.

General scientific systemic method of cognition in conjunction with analysis and synthesis predetermined the consideration of procedural obligation as an ideal-model behavior of a person, as well as actually implemented. In this way the "establishment - execution" of obligation as legal categories gets different normative content and interpretative coloring. The characteristic of procedural obligation, based on system-structural and system-functional approaches, is proposed. The first one is predetermined by the place of duties in the norms of law, where they are personified in the norms-prescriptions, norms-prohibitions. The classification of legal prescriptions into general normative and specific (sectoral) ones has been carried out. The second approach predetermined the study of the execution of procedural obligation in "movement", through the study of stage-by-stage and private (single) implementation of normative potential.

Ideally, the objective of any scientific concept, especially in jurisprudence, is to program the behaviour in which the sectoral objective is achieved. In law enforcement practice, however, there is a different legal result that falls far short of the normative setting and the realisation of the dispositive powers of those concerned. This manifests itself when the court instances erroneously failed to take into account the specific factual circumstances of the case in question as a basis for applying a particular part of the legal act's article. Consequently, the court has formally fulfilled the procedural obligations imposed on it by the law, but in fact their fulfilment did not lead to the intended goal, which constitutes the broader justification for the substantive part of the procedural obligation. It is also possible to look at the duty in a narrower way. This is the case when the court has not fulfilled the procedural obligation imposed on it as a formally defined obligation and has not performed the procedural act or has not performed it in full and in an inappropriate manner.

References

1. Elkind, P.S. (1963) *Sushchnost' sovetskogo ugovovno-protsessual'nogo prava* [The essence of the Soviet criminal procedure law]. Leningrad: Leningrad State University.

2. Kutsova, E.F. (1972) *Garantii prav lichnosti v sovetskom ugovolnom protsesse* [Guarantees of individual rights in the Soviet criminal process]. Moscow: Moscow State University.
3. Golmsten, A.Kh. (1916) V zashchitu protsessual'noy teorii O. Byulova [In defense of O. Bülov's procedural theory]. *Zhurnal Mini-sterstva yustitsii*. November.
4. Kleyzman, A.F. (2009) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Krasnodar: Sovetskaya Kuban'.
5. Abramov, S.N. (ed.) (1948) *Grazhdanskiy protsess* [Civil Process]. Moscow: USSR Ministry of Justice.
6. Melnikov, A.A. (1975) Sub"ektivnye protsessual'nye prava i obyazannosti lits, uchastvuyushchikh v grazhdanskikh delakh [Subjective procedural rights and obligations of persons participating in civil cases]. In: Volozhanin, V.P. (ed.) *Problemy sovershenstvovaniya Grazhdanskogo protsessual'nogo kodeksa RSFSR* [Problems of Improving the Civil Procedure Code of the RSFSR]. Vol. 40. Sverdlovsk: Sverdlovsk State University. S. 24–31.
7. Grachev, T.S. (2010) *Edinstvo prav i obyazannostey kak printsip prava* [Unity of rights and obligations as a principle of law]. Law Cand. Diss. Krasnodar.
8. Vaneeva, L.A. (1985) Edinstvo sub"ektivnykh prav i yuridicheskikh obyazannostey po gra-zhdanskomu protsessual'nomu pravu [The unity of subjective rights and legal obligations under civil procedural law]. In: Ovchinnikov, N.I. (ed.) *Problemy khozyaystva i prava na sovremennoy etape* [Problems of Economy and Law at the Present Stage]. Vladivostok: Far Eastern University. pp. 129–141.
9. Yakubova, S.A. (1961) *Prava i obyazannosti storon v sovetskom grazhdanskom protsesse* [Rights and obligations of the parties in the Soviet civil procedure]. Abstract Law Cand. Diss. Leningrad.
10. Chechina, N.A. (2004) *Izbrannye trudy po grazhdanskomu protsessu* [Selected Works on Civil Procedure]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
11. Shemenyeva, O.N. (2015) Court as a participant of civil procedural legal relationships. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pravo – Proceedings of VSU. Series: Law*. 3. pp. 67–77. (In Russian).
12. Golunsky, S.A. & Strogovich, M.S. (1940) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: NKYu SSSR.
13. Tsitseron, M.T. (1903) *Filosofskie traktaty. Ob obyazannostyakh* [Philosophical Treatises. About Responsibilities]. Vol. 1. St. Petersburg: [s.n.]. [Online] Available from: <http://ancientrome.ru/antlit/r.htm?a=1423775001> (Accessed: 2nd March 2019).
14. Matuzov, N.I. (1987) *Pravovaya sistema i lichnost'* [Legal System and Personality]. Saratov: Saratov State University.
15. Vaneeva, L.A. (1988) *Realizatsiya konstitutsionnogo prava grazhdan SSSR na sudebnuyu zashchitu v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Implementation of the constitutional right of the USSR citizens to judicial protection in civil proceedings]. Vladivostok: Far Eastern University.
16. Tikhomirova, A.V. & Tikhomirov, M.Yu. (1997) *Yuridicheskaya entsiklopediya* [Legal Encyclopedia]. Moscow: Yurin-formtsentr.
17. Zelenina, O.A. (2011) K voprosu o zakonodatel'noy reglamentatsii protsessual'nykh obyazannostey uchastnikov ugovolnogo sudoproizvodstva [On legislative regulation of procedural obligations of participants in criminal proceedings]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 1(49). pp. 81–89.
18. Yukov, M.K. (1976) *Grazhdanskoe protsessual'noe pravo: struktura i primeneniye* [Civil procedural law: structure and application]. In: Komissarov, K.I. (ed.) *Problemy primeneniya norm grazhdanskogo protsessual'nogo prava* [Problems of application of civil procedural law norms]. Vol. 48. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute, Ural State University. pp. 46–67.
19. Lukasheva, E.A. (1987) *Sotsialisticheskoe pravo i lichnost'* [Socialist Law and Personality]. Moscow: Nauka.

20. Komkova, G.N., Shudra, O.V., Daurova, T.G. et al. (eds) (1998) *Institut prav cheloveka v Rossii* [Institute of Human Rights in Russia]. Saratov: Saratov State University.

21. Degtyarev, S.L. (2007) *Realizatsiya sudebnoy vlasti v grazhdanskom sudoproizvodstve: teoretiko-prikladnye problem* [Judiciary Implementation in Civil Proceedings: Theoretical and Applied Problems]. Moscow: Walters Kluver.

22. Babaev, V.K. (ed.) (2003) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Yurist".

23. Stasyuk, I.V. (2013) *Protsessual'naya obyazannost' v grazhdanskom i arbitrazhnom sudo-proizvodstve* [Procedural obligation in civil and arbitration court proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.